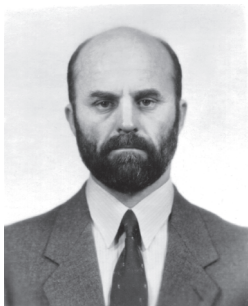

СМЕНА ВЕХ

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН (20—30-е ГОДЫ)

Вячеслав Константинович РОМАНОВСКИЙ, доцент кафедры истории и обществоведческих дисциплин Нижегородского института развития образования, кандидат исторических наук. Сфера научных интересов — социальная и политическая история России нэповской эпохи, нэп и русское зарубежье. Исследовательская работа последних лет посвящена сменовеховству в дальневосточном зарубежье. По этой теме имеет около десяти научных публикаций.

В начале 20-х годов в среде российской интеллигенции (за рубежом и внутри страны) довольно широкое распространение получило общественно-патриотическое движение сменовеховства. Ю.В. Ключников, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Лукьянов, Ю.Н. Потехин и другие ведущие его представители, в прошлом известные в белоэмигрантских кругах своим резким неприятием революции и большевизма, пришли к заключению, что необходимо отказаться от вооруженного противостояния с Советами и принять активное участие в хозяйственном и культурном возрождении России.

Принято считать, что идейно и организационно сменовеховское движение оформилось и было широко распространено в центральной России (Москва, Петроград) и белоэмигрантской Европе. При этом возникновение его обычно связывают с выходом летом 1921 г. в Праге сборника статей «Смена вех», в котором была изложена платформа нового движения¹. Но, на наш взгляд, географические границы сменовеховского движения значительно шире. Не менее отчетливо оно проявлялось на окраинах России, в других центрах русского зарубежья. В этой связи особый интерес представляют русский Дальний Восток и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего Китай), которые остаются пока без должного внимания исследователей.

Последствия Октябрьской революции и гражданской войны вызвали мощный поток беженцев из центральных районов страны в дальневосточные края. Во Владивостоке, например, в 1922 г. число жителей достигло 410 тыс. чел., в то время как до революции (1916 г.) составляло 97 тыс. чел.² Среди приехавших на российскую окраину было немало ученых, литераторов, публицистов, общественных деятелей, других представителей российской интеллигенции. Это привело к заметному оживлению и обогащению общественной, политической, культурной жизни во Владивостоке и крае. После гражданской войны многие наши соотечественники оказались за рубежом. В 1923 г. только в Китае находились 100 тыс. российских граждан³. В дальневосточном зарубежье издавались эмигрантские газеты, журналы, альманахи, книги. Действовали многочисленные общества, комитеты, союзы, товарищества, партийные группировки различных политических ориентаций⁴. Крупные интеллектуальные силы

российской интеллигенции, сконцентрированные в начале 20-х годов на русском Дальнем Востоке и за его пределами (в странах АТР), стали, таким образом, благоприятной средой для вызревания сменовеховских идей.

Решающая роль в становлении сменовеховства в дальневосточном зарубежье принадлежит Николаю Васильевичу Устрялову. До революции он, юрист по образованию, преподавал в Московском и Пермском университетах, сотрудничал с редакциями различных периодических изданий. Занимался активной общественной деятельностью. Н.В. Устрялов являлся видной политической фигурой в кадетской партии. В годы гражданской войны, находясь в Сибири, был председателем Восточного отдела ЦУ партии кадетов. Издавал газету «Русское дело» в Омске. Возглавлял бюро печати в правительстве Колчака. В начале 1920 г. (после разгрома колчаковской армии) Н.В. Устрялов эмигрировал в Китай и обосновался в Харбине. Политическая и общественная деятельность его в последующие пятнадцать лет была тесно связана с дальневосточным зарубежьем.

Поиски Устряловым нового курса начались на рубеже 1919—1920 гг. Позднее он писал, что его «сменовеховская декларация появилась 1-го февраля 1920 г., т.е. больше, чем за год до нэпа. Исторически мы ведем нашу смену вех не от нэпа, а от конца гражданской войны в ее основной фазе»⁵. В конце 1920 г. Устрялов опубликовал сборник своих статей под названием «В борьбе за Россию», со страниц которого впервые (за полгода до выхода известного пражского сборника «Смена вех») выступил с идеей сотрудничества «национально-патриотических элементов России» с большевистской властью во имя восстановления былого могущества родной страны. Он призывал соотечественников прекратить взаимную вражду, восстановить гражданский мир и согласие в отечестве и совместными усилиями способствовать «национальному возрождению». При этом, писал он, «все это отнюдь не означает безусловного принятия большевизма или полного примирения с ним. Должны лишь измениться методы его преодоления. Его не удалось победить силою оружия в гражданской борьбе — он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира...»⁶.

Идеи, провозглашенные Устряловым, оказались созвучны настроениям значительной части отечественной интеллигенции как в России, так и за ее пределами. Под их влиянием начался процесс зарождения общественно-патриотического движения, получившего вскоре (после выхода сборника «Смена вех») название «сменовеховство». Таким образом, Николай Васильевич Устрялов стоял у истоков сменовеховства, а его сборник «В борьбе за Россию» по праву можно считать хронологическим рубежом возникновения этого движения.

В обоснование сменовеховской идеологии Устряловым было написано впоследствии множество статей, значительная часть которых опубликована в авторских сборниках, изданных в Китае. В Харбине вокруг сменовеховского идеолога образовалась группа единомышленников — С. Алымов, А. Вознесенский, Н. Гондатти, С. Ухтомский, Д. Чернявский, Е. Яшнов и другие известные литераторы, публицисты, общественные деятели дальневосточной эмиграционной волны. Они популяризировали свои взгляды со страниц сменовеховских печатных изданий: газеты «Новости жизни» (издавалась в 1922—1926 гг., первый редактор Д. Чернявский) и альманаха «Русская жизнь» (1922—1923 гг.)⁷. Таким образом, в начале 20-х годов в Азиатско-Тихоокеанском регионе сложился крупный сменовеховский центр — дальневосточный (Харбин), который наряду с другим — европейским сменовеховским центром (Прага, Берлин) играл заметную роль в общественной и политической жизни русской эмиграции.

Сменовеховские настроения получили распространение в интеллигентских и предпринимательских кругах русского Дальнего Востока. Во Владивостоке сторонники Устрялова группировались вокруг газеты «Голос Родины», выпускавшейся частным издательством «Свободная Россия» до его закрытия

в октябре 1923 г. Редакция этой газеты активно пропагандировала лозунги национального примирения и гражданского мира среди дальневосточников. В Забайкалье сменовеховские позиции занимала газета «Дело», которая в 1922—1923 гг. издавалась на средства читинских торговопромышленников⁸.

В обширном наследии Устрялова, материалах периодической печати достаточно полно отражена идейно-политическая платформа сменовеховства дальневосточного зарубежья. Остановимся на некоторых важнейших ее положениях.

Центральный лозунг сменовеховцев — отказ от вооруженной борьбы с Советами, установление гражданского согласия в стране. По их мнению, это должно было стать первым шагом к тому, чтобы начать работу (вместе с большевиками и советской властью) по восстановлению былого могущества России. Трагические последствия братоубийственной войны убедили Устрялова и его сторонников в том, что ее продолжение приведет лишь к еще большему хаосу и даже гибели российской государственности. Этого нельзя допустить. Интеллигенции необходимо «...активно и честно работать под знаком наличной власти», — заявлял лидер дальневосточных сменовеховцев⁹. А его единомышленники во Владивостоке уже в январе 1920 г. обратились к соотечественникам с призывом со страниц газеты «Голос Родины»: «Долой крови! Пора прекратить самоуничтожение России, ее величия и достоинства...»¹⁰.

Возрождение России должно проходить, считали сменовеховцы, в ее прежних границах. «Первое и самое главное, — подчеркивал Устрялов, — собрание, восстановление России как великого и единого государства»¹¹. Он последовательно выступал за «собрание» земель, позитивно оценивал деятельность большевистского руководства по восстановлению государственности и укреплению власти центра на всей территории бывшей империи. Даже не смотря на то, что эта власть была коммунистической. Отстаивая лозунг «великой и неделимой России», сменовеховцы дальневосточного зарубежья были принципиально против всякого буферного государства на востоке страны, отделяющего «окраину от великой родины». Поэтому они активно выступали за безусловную ликвидацию Дальневосточной республики¹².

В своих многочисленных статьях Устрялов изложил программу экономического переустройства России. Он утверждал, что частная собственность — основа жизни народа, главный фактор хозяйственного успеха. Рано или поздно, но в стране произойдет возврат к капиталистическим отношениям. Новая экономическая политика, которую вынуждены проводить большевики, — это начало эволюционного процесса перерождения советского общества, вступления большевистской России на путь буржуазного развития. Поэтому необходимо всячески содействовать нэповскому курсу, объективно способствовавшему переводу страны на «новые хозяйственные рельсы», возрождению предпринимательства и фермерства. Вслед за нэпманами и спекулянтами неизбежно «должна прийти и созидательная буржуазия» и в первую очередь крепкий мужик, «без которого немисливо никакое оздоровление нашего сельского хозяйства, то есть основы экономического благополучия России». Препрекая полное банкротство большевистского эксперимента, Устрялов полагал, что в принципе невозможно создать процветающую Россию при советском режиме и «только в изживании, преодолении коммунизма залог хозяйственного возрождения государства». Он призывал соотечественников вернуться на родину и активно участвовать в «обуржуазивании» страны¹³.

Изменения в экономике, утверждали сменовеховцы дальнего зарубежья, обязательно приведут к трансформации политического строя. Процесс «перерождения системы» неизбежен, необходимо лишь конструктивно «подталкивать» большевиков к восстановлению ценностей буржуазной демократии. Принципы нэпа — свобода и плюрализм в экономике — должны распространиться

на политическую и духовную сферы. При этом устряловцы категорически отвергали возможность восстановления монархического строя в стране. Речь могла идти только об установлении парламентской республики западного образца с широкими политическими свободами и правами граждан, где будет «власть законности и порядка»¹⁴.

Сменовеховское движение в русском зарубежье изначально не отличалось идейно-политическим единством. Активных его сторонников в белоэмигрантской Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе объединяло желание прекратить вооруженную борьбу с большевистской властью, активно участвовать в возрождении родины. По многим другим принципиальным вопросам между европейским и дальневосточным направлениями (течениями) сменовеховства имелись существенные разногласия. Они, например, по-разному оценивали нэп. Для дальневосточных сменовеховцев новая экономическая политика — это яркое проявление эволюции большевиков и их программных установок, отчетливое свидетельство того, что советский строй эволюционирует в сторону капитализма. Европейские же сменовеховцы не считали нэп возвратом к капитализму. Они «твердо и решительно» отвергали «всякие реставраторские, посвященные капитализму помыслы и вождедения... Возврата к буржуазно-капиталистическому порядку в России быть не должно...»¹⁵. Нэп для них был методом (способом) восстановления экономики в рамках советского строя. «Россия строится сейчас именно социалистическая», — заявляли сменовеховцы белоэмигрантской Европы¹⁶.

У представителей основных течений сменовеховства было различное отношение к большевизму и диктатуре пролетариата. Н.В. Устрялов и его сторонники в Азиатско-Тихоокеанском регионе в течение 20-х годов (несмотря на призыв к примирению и национальному согласию) оставались ярыми антикоммунистами, противниками пролетарской власти. Они шли на союз с большевизмом в надежде на то, что со временем произойдет его перерождение. И нэп, по их мнению, был ярким свидетельством того, что процесс этот уже начался. «Большевизм, изменивший свою экономическую политику, — писал Н.В. Устрялов в статье «Эволюция или тактика?», — не есть уже прежний большевизм»¹⁷.

Напротив, Ю. Ключников, С. Лукьянов, С. Чахотин и их последователи в европейском зарубежье пришли к заключению, что «большевик творит волю всего трудового народа... он плоть от плоти и кровь от крови русского рабочего и крестьянина»¹⁸. Они воздавали должное большевистской партии за огромную роль, которую она сыграла в борьбе с интервентами, защищая свободу и независимость России, за титанические усилия по восстановлению прежних границ и укреплению государственности. Они считали, что без диктатуры пролетариата обойтись пока нельзя, это закономерное и необходимое для страны явление. Нужно лишь провести ряд изменений организационного порядка: расширить социальную базу власти за счет широких трудовых масс и «некоммунистических элементов», создать условия для «массового волеизъявления» народа, усилить контроль «над действиями государственного аппарата»¹⁹.

Явное различие наблюдалось и в отношении основных ценностей «свободного общества», буржуазной демократии. Харбинские сменовеховцы убеждены были в необходимости восстановления в России права частной собственности, возрождения предпринимательства и фермерства, установления демократической парламентской республики, расширения естественных прав российских граждан. Сменовеховцы европейского зарубежья не были настроены столь оптимистически в отношении ценностей «цивилизованного Запада». Они выявляли многочисленные пороки капитализма, разоблачали «позорнейшее экономическое неравенство» этого строя. Подвергали резкой критике «лицемерие чистой демократии», «эфемерность буржуазных свобод». Солидарны были

с большевиками в том, что «современная европейская демократия... является лишь политическим оружием буржуазии, направленным на сохранение капиталистической основы ее власти» и категорически отвергали возможность возврата России «к буржуазному болоту»²⁰.

Таким образом, если Устрялов и его последователи в Азиатско-Тихоокеанском регионе представляли правое крыло сменовеховства (оставались последовательными противниками советской власти и большевизма, считали возможным реальное возрождение России на основе частной собственности и базовых ценностей буржуазной демократии), то сменовеховцы европейского зарубежья (левое крыло этого движения) выступали союзниками большевиков по многим принципиальным вопросам развития страны.

Какова дальнейшая судьба сменовеховства? Происходили ли эволюционные процессы в этом движении и если да, то в каком направлении? К сожалению, эти вопросы до сих пор остаются без внимания исследователей. В советской литературе история сменовеховского движения представлена статично, хронологически обрывается серединой 20-х годов, после чего оно, по мнению одних авторов, было «разгромлено», по мнению других — «просто изжило себя»²¹.

Действительно, внутри страны сменовеховство перестало быть важным фактором общественно-политической жизни в середине 20-х годов. С тех пор о нем почти не писали в советской прессе. В 1926 г. был закрыт сменовеховский журнал «Россия», а его главного редактора И. Лежнева выслали за границу²². Это было явно насильственное вытеснение из политической жизни страны общественной силы, весьма миролюбиво настроенной к советской власти и большевистской партии. Но, очевидно, даже такая просоветски настроенная «оппозиция» считалась для правящего режима опасной. Однако опасения в неблагонадежности «внутреннего сменовеховства» были напрасны, все представители перешли на советскую платформу: одни осознанно и искренне, другие — вынужденно, опасаясь репрессий.

Н.В. Устрялов, побывав в 1926 г. в Москве, писал вскоре, что в советской стране активные последователи сменовеховства стали в большинстве своем «коммуноидами» (то есть послушными проводниками большевистской идеологии и политики советской власти), а само движение переживает процесс, похожий на «вырождение»²³.

Что касается сменовеховцев европейского зарубежья, то их деятельность, носившая также пробольшевистский характер, завершилась еще раньше, в середине 1924 г. с прекращением выхода их печатного органа — газеты «Накануне». До этого они резко осуждали антисоветские акции белой эмиграции, благожелательно и с симпатией относились ко всему, что происходило в большевистской России, оправдывали советскую внутреннюю и внешнюю политику. В передовой статье последнего номера «Накануне» отмечалось, что сменовеховство как идеология является уже пройденным этапом. Поэтому редакция сочла «своевременным прекратить издание газеты... как органа, который уже выполнил свои основные задачи»²⁴. На родину вернулись Ю. Ключников, Ю. Потехин, другие активные участники европейского сменовеховского центра, прекратившего после этого свое существование.

Тем не менее сменовеховство оставалось заметным явлением общественно-политической жизни русской эмиграции во второй половине 20-х — первой половине 30-х годов благодаря активности его дальневосточного (харбинского) центра. В восточно-азиатской части русского зарубежья продолжалась общественная и публицистическая деятельность Николая Васильевича Устрялова и его соратников. Статьи этого известного сменовеховского деятеля всегда вызывали острые дискуссии в белоэмигрантской среде. Его оппонентами выступали Александр Керенский, Петр Струве, другие видные фигуры политической белоэмиграции.

Материалы публицистического наследия Устрялова этого времени свидетельствуют о серьезной эволюции дальневосточного сменовеховства: от неприятия большевизма и советской власти (в начале 20-х годов) — к признанию советского политического режима и оправданию сталинского курса (в начале 30-х годов). Некоторые симпатии сменовеховского лидера к деяниям большевиков обнаружались уже в ходе его первой поездки из-за границы в Москву в 1926 г. Во время своего путешествия он вел дневниковые записи, которые были сразу же опубликованы под названием «Россия (У окна вагона)». В них автор очень эмоционально и в основном позитивно оценивал то, что увидел и услышал на родине. «Страну охватывает дух восстановления, ренессанса, — завершал свои заметки Устрялов. — Страна работает. Страна преисполнена глубокого и серьезного патриотизма... Это основное впечатление»²⁵. Однако до конца 20-х годов видный деятель харбинской белоэмиграции продолжал оставаться на платформе правого сменовеховства и публично не пересматривал свои политические взгляды. Но, вероятно, именно после известной поездки в Москву и в результате растущего потока информационного материала (сугубо позитивного, оптимистического) из СССР в дальневосточное зарубежье произошел перелом в устряловской позиции в отношении большевизма и советской власти.

В 1930 г. в Шанхае была опубликована брошюра Н.В. Устрялова «На новом этапе». Она, безусловно, знаменовала принципиальный отход харбинского сменовеховца от своих прежних идейно-политических установок. Достаточно объективно анализируя советскую действительность конца 20-х годов, автор приходит к выводу, что страна в то время находилась на распутье и существовала альтернатива: либо неонэп (продолжение нэповского курса, развитие рыночных отношений), либо контрнэп (отказ от нэпа, административный нажим в экономике). В результате победила политика контрнэпа: началась ускоренная индустриализация и сплошная коллективизация с огромными жертвами, в политической сфере утверждалась железная рука диктатуры. И Устрялов, еще недавний противник большевизма, к большому удивлению белоэмигрантского большинства (его публикация вызвала острую полемику в русскоязычной прессе за рубежом), в позитивных тонах оценивает и фактически оправдывает проводимый Сталиным курс. В процессе его осуществления, согласно устряловскому прогнозу, может быть три исхода. Первый — социалистическое наступление оправдывает себя, нэп отмирает и СССР обретает новый хозяйственный фундамент. Второй — социалистическое наступление терпит крах, распадается диктатура пролетариата и советская власть. Третий — социалистическое наступление оказывается непосильным для страны, партия возвращается к началам нэпа. Из всех названных Устрялов считает наилучшим первый исход, потому что только благодаря ему произойдет «обновление страны»²⁶.

Какую же установку дает лидер дальневосточных сменовеховцев Н.В. Устрялов отечественной интеллигенции (белоэмигрантской и внутрироссийской) «на новом этапе»? Заставить себя «активно и за совесть служить» советскому, большевистскому государству. Это, с точки зрения автора, не только не противоречит, но вполне соответствует духу сменовеховства с его центральной идеей сохранения лояльности пролетарскому государству. Следовательно, сменовеховская идеология не изменилась, она и «на новом этапе» осталась прежней, и об ее эволюции, утверждал Устрялов, не может быть речи²⁷.

Однако даже при самом поверхностном анализе материалов брошюры можно заметить существенные изменения в устряловской позиции, ее явное отличие от прежней, харбинской платформы. Устрялов дает в своей работе принципиально новую политическую установку российской интеллигенции. Если раньше (начало 20-х годов) это была «пассивная лояльность» власти, то «на новом этапе» (начало 30-х годов) — не рассуждающая обязательная «верность» власти. Раньше призывал к сотрудничеству с Советами, надеясь на их

перерождение, теперь — призыв преданно «служить» пролетарской власти, искреннее желание поддержать антинэповский курс в стране. Все это свидетельствует о том, что в начале 30-х годов произошло фактическое сближение сменовеховства устряловского толка с большевизмом.

Еще более заметна эволюция взглядов Устрялова в авторском сборнике статей под названием «Наше время», изданном в 1934 г. Это настоящий панегирик Сталину и его внутренней политике. Автор убежден в том, что все силы советских граждан должны быть «направлены на освоение того пути, по которому ныне ведет страну ее правительство»²⁸. Для Устрялова нет сомнения в том, что «генеральная политическая линия правящей партии ходом событий оправдана... Она привела к победе»²⁹.

Итак, если в начале 20-х годов активные последователи сменовеховца ожидали перерождения советской власти и большевизма, то в начале 30-х произошло перерождение самого сменовеховского движения. Это отчетливо видно на примере эволюции взглядов лидера дальневосточных сменовеховцев Н.В. Устрялова. Однако жизненный путь его (несмотря на полное признание им сталинского курса) закончился трагически. В 1935 г. профессор Харбинского университета и директор Центральной библиотеки КВЖД Николай Васильевич Устрялов вернулся на родину. Два года он проработал преподавателем Московского института инженеров транспорта, затем был арестован за «анти-советскую деятельность» и вскоре расстрелян.

В советской научной литературе сменовеховство традиционно характеризовалось с классовых позиций как разновидность буржуазной идеологии, направленной на воплощение в жизнь «реакционных планов буржуазного реставраторства» в стране³⁰. Сегодня очевидно, что подобные оценки далеки от научной объективности. Сменовеховство, выступившее в 20-е годы с миротворческой платформой, представляло собой движение ярко выраженного общенационального, патриотического характера. Оно отражало настроения и чаяния не только «тысяч и десятков тысяч буржуев и совслужащих»³¹, но значительно более широких социальных слоев российского общества и русского зарубежья — тех, кому надоела братоубийственная война и которые с болью смотрели на то, как разрушается и гибнет Россия. Движущей силой, наиболее активной частью движения была отечественная интеллигенция, сумевшая выдвинуть лозунги, близкие и понятные многим соотечественникам.

Сменовеховцы были горячими патриотами своей родины. Главным для них было не то, какого цвета должна быть Россия — красная или белая, а то, что она должна встать на ноги, восстановить свои силы и величие, занять достойное место в мировом сообществе.

Не все прогнозы сменовеховцев сбылись. Нэп так и не привел к экономической и политической эволюции России, став лишь тактикой советского руководства, направленной на удержание политической власти. Не произошло перерождения Советов и большевизма. Коммунистическая партия и советская система власти оказались неспособными к реформированию и обновлению. Это подтвердила вся послеоктябрьская история нашего Отечества. Вместе с тем пророческими оказались высказанные в начале 20-х годов прогнозы сменовеховцев о неизбежности банкротства большевистских идей, восстановления в России общепринятых законов и норм социального развития, а также о том, что реальное возрождение страны невозможно в условиях тоталитарной власти.

Сменовеховская платформа основывалась на общечеловеческих принципах обустройства общества, отражала интересы всей нации, а не отдельной группы лиц или какой-либо партии. Предложенные сменовеховцами ненасильственные пути преобразования страны не потеряли своей актуальности. Особенно созвучен нашему времени их призыв к гражданскому миру и национальному согласию во имя возрождения и процветания России.

- ¹ Смена вех. Прага, 1921.
- ² Кандыба В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858—1938. Владивосток, 1985. С.83—84.
- ³ Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С.41.
- ⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее — РГИАДВ). Ф.4455, Оп.1. Д.58. Л.30, 40; Там же. Д.149. Л.162; Свет, 1922, 6 июня; Дальневосточный путь, 1923, 28 янв.
- ⁵ Устрялов Н.В. На новом этапе. Шанхай, 1930. С.28.
- ⁶ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С.62—63.
- ⁷ Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977. С.11, 124; Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. Владивосток, 1928. С.77.
- ⁸ РГИАДВ, Ф.2422. Оп.1. Д.717. Л.50, 50 об, 52, 70; Парфенов П.С. Указ. соч. С.77.
- ⁹ Устрялов Н.В. Смысл встречи // Накануне. 1922. 7 мая.
- ¹⁰ Голос Родины. Харбин, 1920. 21 янв.
- ¹¹ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С.62—63.
- ¹² Голос Родины. Харбин, 1922. 7 нояб.
- ¹³ Смена вех. Сб. статей. Прага, 1921. С.141; Смена вех. Прага, 1922, № 13; Смена вех. Париж, 1922, № 16. С.13; Русская жизнь, 1922. №2. С.4.
- ¹⁴ См.: Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С.63; Русская жизнь. Харбин, 1922. № 2. С.4; Смена вех. Париж, 1922. № 11. С.11; Накануне, 1922, 7 мая.
- ¹⁵ Накануне. 1923. 17 марта.
- ¹⁶ Там же. 1923. 8 авг.
- ¹⁷ Новости жизни. 1921. 20 нояб.
- ¹⁸ Накануне. 1922. 7 нояб.
- ¹⁹ Там же. 1922. 16 нояб.; Там же. 1923. 27 апр.
- ²⁰ Там же. 1922. 3 нояб.
- ²¹ См.: Федюкин С.А. Указ.соч. С.309—310.
- ²² Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией... С.300.
- ²³ Устрялов Н.В. Россия (У окна вагона). Харбин, 1926. С.5.
- ²⁴ Накануне. 1924. 15 июня.
- ²⁵ Устрялов Н.В. Россия (У окна вагона). С.53.
- ²⁶ Устрялов Н.В. На новом этапе. Шанхай, 1930. С.7—12, 21—26.
- ²⁷ Там же. С.26—32.
- ²⁸ Устрялов Н.В. Наше время. Шанхай, 1934. С.9.
- ²⁹ Там же. С.1.
- ³⁰ См.: Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960. С.97; Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах внутренней контрреволюции, 1921—1924 гг. Л., 1978. С.121—123; Федюкин С.А. Указ.соч., С.100.
- ³¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.45. С.95.

SUMMARY. The author of the article investigates the widely-spread social-patriotic movement «Smenovekhovstvo». In the Russian Far East and outside it (in the countries of the Pacific Rim) at the beginning of the 20s the major intellectual forces became favourable environment for this movement to grow ripe.

The decisive role in the formation of «Smenovekhovstvo» in the countries of the Far East belonged to N.V.Ustryalov. Later in order to substantiate the ideology of «Smenovekhovstvo», he wrote many articles, being published mainly in China.

The principal slogan of the movement is non-participation in the armed struggle against the Soviets, establishment of civil agreement in the country. V.K.Romanovsky studies the ideology of «Smenovekhovstvo», their basic slogans concerning to various sides of life.

The author of the article did not share the point of view expressed in the Soviet historical literature where this movement was traditionally characterized on the base of the class position as a kind of bourgeois ideology.

The article by V.Romanovsky is urgent also for the slogans of «Smenovekhovstvo» (that is unforcible way of reforming the country), their appeals for civil peace and agreement are in keeping with the times.